Сигрид Суони

ВСЁ В ПОРЯДКЕ

ALT ER I ORDEN

Сигрид Суони

Всё в порядке

«Автор»
2026

Суони С.

Всё в порядке / С. Суони — «Автор», 2026

Ингрид Нильсен умеет разбираться в чужих тайнах. Сорокалетний психолог из Бергена привыкла верить фактам, анализировать чужие страхи и находить объяснения даже самым странным поступкам. Но собственное прошлое она предпочитает не трогать.Всё меняется, когда её пациентка Вильде Даль начинает подозревать, что бывший партнёр следит за ней. В попытке отделить реальные угрозы от болезненных предположений Ингрид неожиданно возвращается к событиям 1993 года — вечеру, когда погибла её младшая сестра Элизе.Старая запись автоответчика, забытые разговоры и детали, которые не сходятся, постепенно складываются в пугающую картину. Ингрид наконец узнаёт, что произошло в ту ночь. Кажется, тайна раскрыта. Но один неожиданный факт перечёркивает всё, во что она только что поверила.Что страшнее: правда, которую невозможно принять, или правда, которой никогда не существовало?Психологический триллер Сигрид Суони о памяти, вине и двух ответах на один вопрос. И ни одному из них нельзя доверять до конца

© Суони С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 17
Глава 3 24
Глава 4 31
Глава 5 38
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Сигрид Суони
Всё в порядке

Глава 1

Я не любила людей, которые говорили, что хотят быть честными.

Обычно после этих слов следовало что-нибудь неприятное. Человек наклонялся вперёд, понижал голос и сообщал тебе то, о чём ты не просил. Он называл это честностью. Иногда даже смелостью. Потом ждал благодарности за то, что причинил тебе боль.

Мне всегда хотелось спросить, почему люди так дорожат своей жестокостью, если её можно назвать другим словом.

Но я не спрашивала. Я была психологом.

Я умела слушать.

Это не означало, что мне нравились люди. Не означало даже, что я им сочувствовала. Сочувствие вообще переоценено. Оно слишком часто становится формой самолюбования: человек видит чужое несчастье, чувствует себя хорошим и принимает собственное чувство за помощь.

Я знала это, потому что сама так делала.

Иногда мне было жаль пациентов. Иногда я испытывала к ним раздражение. Иногда мне нравилось, что они не могут справиться без меня. Последнее было особенно неприятно, поскольку я понимала его природу, могла объяснить его происхождение и всё равно испытывала удовольствие.

Я могла назвать это потребностью в профессиональном признании.

Могла — желанием быть полезной.

Могла — обычным человеческим тщеславием.

Слова ничего не меняли.

Мне сорок лет. Меня зовут Ингрид Нильсен. Я авторизованный психолог, работаю в частной клинике в Бергене. У меня есть кабинет с двумя креслами, письменный стол, шкаф с профессиональной литературой и окно, из которого видна часть улицы. На стене висит сертификат, подтверждающий мою квалификацию. Я повесила его не для пациентов, а потому, что пустая стена выглядела хуже.

Я не замужем. У меня нет детей. Я живу одна.

Последнее мне нравится.

По крайней мере, я так говорю.

Мне нравится, что никто не трогает мои вещи, не спрашивает, почему я задержалась, не оставляет мокрые полотенца на кровати. Мне нравится возвращаться в квартиру, где всё находится на своих местах. Иногда я переставляю предметы, а потом возвращаю их обратно, потому что новое положение кажется неправильным. Я не считаю это проблемой. У каждого человека есть привычки, которые помогают ему сохранять ощущение порядка.

Я не люблю слово «порядок».

Оно слишком часто используется людьми, которые боятся, что кто-нибудь заметит, насколько плохо они справляются с собственной жизнью.

Впрочем, я тоже не хотела, чтобы кто-нибудь заметил.

В то утро я проснулась за несколько минут до будильника. За окном было светло, хотя небо оставалось серым. Я лежала неподвижно и слушала дом. Где-то наверху двигали стул. В соседней квартире открыли воду. Потом хлопнула дверь.

Я попыталась определить, сколько времени прошло между шумом воды и дверью.

Не знаю зачем.

Я посмотрела на часы. Было шесть сорок три.

До будильника оставалось семь минут.

Я могла встать. Могла закрыть глаза. Вместо этого лежала и думала о том, что человек, который живёт этажом выше, слишком рано начинает двигать мебель. Я не знала, кто там живёт. Возможно, семья. Возможно, один человек. Я никогда не видела их достаточно близко, чтобы запомнить лица.

Мне не нравилось не знать.

Это была глупая мысль, и я это понимала. Я не обязана знать, кто живёт над моей квартирой. Я не обязана знать, почему он двигает стул в шесть сорок три. Я не обязана знать ничего, что не имеет ко мне отношения.

Я повторила это про себя.

Потом ещё раз.

Будильник зазвонил.

Я встала.

На кухне я включила кофемашину, открыла окно и посмотрела на улицу. Берген просыпался без особого энтузиазма. По тротуару шла женщина с собакой. Собака остановилась возле дерева, а женщина потянула поводок, не дожидаясь, пока та закончит. Я подумала, что некоторые люди даже собственным животным не позволяют спокойно справить нужду.

Потом поймала себя на том, что наблюдаю за незнакомой женщиной уже слишком долго.

Я отвернулась.

Мне не нравилось, когда люди смотрели на меня. При этом я сама постоянно смотрела на них. Я замечала, как они держат плечи, как поворачивают голову, как долго ищут ключи в сумке. Я могла по нескольким движениям предположить, что человек нервничает, торопится или пытается скрыть раздражение.

Предположить.

Это важное слово.

Я знала, что наблюдение не равно знанию. Я говорила об этом пациентам. Но мне нравилось делать вид, что я вижу больше остальных. Иногда я действительно видела. Иногда просто угадывала. А иногда ошибалась, но не замечала этого, потому что люди редко возвращались, чтобы сообщить мне о моей ошибке.

Я допила кофе, вымыла чашку и поставила её в сушилку.

Потом переставила её ручкой вправо.

Потом подумала, что это уже смешно.

И всё-таки оставила так.

В клинику я приехала без десяти девять.

На улице было прохладно, но дождя не было. Вдоль домов лежали узкие полосы света. Я остановилась у входа, чтобы достать ключи, и заметила женщину, стоявшую возле двери.

Она разговаривала по телефону и плакала.

Женщина была примерно моего возраста. На ней было светлое пальто, слишком тонкое для погоды. Она прижимала телефон к уху и смотрела в сторону дороги. Когда я подошла, она отвернулась, словно не хотела, чтобы я слышала разговор.

Я услышала только:

— Я же сказала, что не могу.

Потом она всхлипнула.

Я открыла дверь.

На секунду мне захотелось обернуться. Не из сочувствия. Из любопытства. Мне хотелось узнать, кто заставил её плакать, почему она не может, что именно от неё требуют. Я хотела услышать ещё одну фразу, по которой можно было бы составить мнение.

Я не обернулась.

Но уже в лифте подумала, что женщина, вероятно, плакала из-за мужчины.

Я остановила эту мысль.

У меня не было никаких оснований так считать.

И всё же я была почти уверена.

Мне не нравилось, когда собственные догадки начинали звучать как факты. Это напоминало мне пациентов, которые говорили: «Я знаю, что он хотел меня унизить», хотя на самом деле могли знать только то, что он произнёс определённые слова.

Я часто спрашивала их, откуда они знают о намерениях другого человека.

Теперь мне следовало задать тот же вопрос себе.

Откуда я знаю, что женщина плакала из-за мужчины?

Ниоткуда.

Я открыла кабинет.

Первой пришла Рагнхильд, женщина пятидесяти двух лет. Она жаловалась на тревогу, усталость и мужа, который, по её словам, не замечал ничего, кроме собственного удобства.

Она села напротив меня и положила сумку на пол.

— Я больше не могу, — сказала она.

Я посмотрела на неё.

— Что произошло?

— Он опять это сделал.

— Что именно?

— Оставил чашку на столе.

Я ждала.

Рагнхильд посмотрела на меня, словно ожидала, что я пойму без объяснений.

— Ту самую чашку, — добавила она.

— Расскажите.

Оказалось, что муж уже несколько месяцев пользовался старой чашкой с отколотой ручкой. Рагнхильд купила ему новую, но он продолжал пить из старой. Она несколько раз просила его выбросить её. Он обещал, но не выбрасывал.

— И вчера я снова увидела её на столе, — сказала она. — Рядом с новой. Как будто специально.

— Вы думаете, он делает это намеренно?

— Конечно.

— Почему?

Она посмотрела на меня с раздражением.

— Потому что он знает, как меня это бесит.

Я записала что-то в блокнот.

Мне показалось, что чашка действительно уродлива. Я представила её: белая, с отколотой ручкой, вероятно, с жёлтым налётом внутри. Мне стало неприятно от одного этого образа. Я подумала, что муж Рагнхильд, возможно, просто не любит выбрасывать вещи. Или ему удобно пользоваться старой чашкой. Или он вообще не считает это важным.

Но Рагнхильд была уверена, что чашка — это сообщение.

Она говорила о ней так, будто муж каждый вечер оставлял на столе маленькую записку: «Я не уважаю тебя. Я знаю, что тебе неприятно. Я буду продолжать».

Я могла бы спросить, почему ей так важно, чтобы он выбросил именно эту чашку.

Но вместо этого спросила:

— Что вы чувствуете, когда видите её?

Она задумалась.

— Что меня не слышат.

Я кивнула.

Это было лучше. Не потому, что чашка перестала быть уродливой, а потому, что теперь мы говорили о том, что действительно имело значение.

В какой-то момент Рагнхильд заплакала.

Я подала ей салфетку.

Она поблагодарила меня и сказала, что ей стало легче.

Я улыбнулась.

И тут же подумала, что она благодарна слишком быстро. Возможно, ей просто хотелось, чтобы я подтвердила её версию. Возможно, она пришла сюда не для того, чтобы разобраться, а чтобы получить свидетеля. Я почувствовала лёгкое презрение.

Потом заметила, что мне нравится это чувство.

Оно делало меня выше неё.

Я могла видеть её слабость, не показывая собственной.

Это было удобно.

И довольно отвратительно.

Второй пациент опоздал на десять минут.

Он пришёл после развода и хотел восстановить отношения с бывшей женой. Он говорил, что она не отвечает на звонки, избегает встреч и настраивает против него дочь.

— Я просто хочу поговорить, — сказал он.

— Вы часто ей звоните?

— Когда нужно.

— Сколько раз за последнюю неделю?

Он задумался.

— Десять. Может быть, больше.

— И если она не отвечает?

— Я звоню ещё раз.

— Почему?

Он пожал плечами.

— Мне нужно с ней поговорить.

Я посмотрела на него.

— А ей?

Он нахмурился.

— Что?

— Ей тоже нужно с вами поговорить?

— Конечно.

— Откуда вы знаете?

Он отвёл глаза.

Я заметила, что он сжал пальцы. Его лицо стало красным. Ему не нравился разговор. Мне понравилось, что он перестал чувствовать себя уверенно.

Я задала ещё один вопрос.

Потом ещё.

Я видела, как он пытается подобрать ответы, которые вернут ему привычное положение. Он хотел быть хорошим отцом, хорошим мужем, человеком, которому не дали шанса. Он хотел, чтобы я признала несправедливость его положения.

Я не признала.

Когда он ушёл, я закрыла дверь и некоторое время смотрела на пустое кресло.

Мне хотелось, чтобы он почувствовал себя виноватым.

Я сказала себе, что это не так. Что мне хотелось лишь помочь ему увидеть собственное поведение. Но я знала разницу между этими желаниями. Я просто не хотела признавать, что иногда мне нравилось причинять людям небольшую боль, если я считала её заслуженной.

Это не делало меня плохим специалистом.

Я повторила эту фразу.

Потом подумала, что человек, которому приходится так часто объяснять себе, что он не плохой специалист, возможно, должен внимательнее присмотреться к своей работе.

Я открыла папку следующего пациента.

Вильде Даль пришла за семь минут до назначенного времени.

Я увидела её через стеклянную дверь. Она стояла в коридоре, держала телефон обеими руками и смотрела на экран. Потом подняла глаза, заметила меня и убрала телефон в карман.

Ей было тридцать пять. Тёмные волосы до плеч, бледное лицо, серое пальто. Она выглядела аккуратно, но небрежно застёгнула верхнюю пуговицу. Я заметила это сразу.

Почему я заметила пуговицу?

Не знаю.

Возможно, потому, что я искала признаки тревоги. Возможно, потому, что мне нравилось находить в человеке мелочи, которые он сам не замечает. Иногда это помогало. Иногда было просто способом почувствовать себя наблюдательнее.

— Здравствуйте, — сказала она.

— Здравствуйте. Проходите.

Она села на край кресла.

Я спросила, как прошла неделя.

— Не очень, — сказала Вильде.

Она посмотрела на меня, затем на свои руки.

— Я опять видела машину.

— Какую машину?

— Тёмно-синий Volvo.

— Вы знаете, кому она принадлежит?

— Нет. Но у Синдре была похожая.

— Такая же модель?

— Почти.

Я ждала.

Вильде достала телефон.

— Она стояла возле моего дома. Вчера вечером.

— Вы видели водителя?

— Нет.

— Как долго машина там находилась?

— Не знаю. Я заметила её, когда возвращалась домой.

— Вы выходили потом проверить?

Она покачала головой.

— Нет.

— Машина оставалась там, когда вы легли спать?

— Я не знаю.

Она посмотрела на меня.

— Вы думаете, я всё придумываю?

Я не ответила сразу.

Мне не нравилось, когда люди задавали этот вопрос. Он требовал от меня выбрать сторону, хотя у меня не было достаточных оснований. Если я говорила, что не думаю так, человек слышал подтверждение своей версии. Если говорила, что не могу знать, он слышал сомнение в собственной адекватности.

Я не хотела ни того, ни другого.

— Я думаю, что вы напуганы, — сказала я. — И хочу понять, что именно произошло.

Она кивнула.

Потом рассказала о сообщении, которое получила ночью.

Ты всё равно не сможешь от меня спрятаться.

Я попросила показать телефон.

Номер был скрыт.

— Вы уверены, что это Синдре?

— Кто ещё мог такое написать?

— Я не знаю.

— Но он мог.

— Да. Мог.

Она смотрела на меня, ожидая продолжения.

Я спросила, когда они расстались, когда он последний раз связывался с ней напрямую, были ли угрозы, приезжал ли он к дому, имел ли доступ к её телефону.

Вильде отвечала коротко, иногда замолкала. Она рассказала, что Синдре проверял её сообщения, знал пароль от телефона, спрашивал, с кем она встречается. Иногда приезжал без предупреждения. Однажды ждал возле её работы.

— Он говорил, что просто хотел меня увидеть, — сказала она.

— А вы хотели его видеть?

— Нет.

— Вы говорили ему об этом?

— Да.

— Что он отвечал?

Она усмехнулась.

— Что я драматизирую.

Я записала это.

Вильде смотрела на мои руки.

— Я иногда думаю, что схожу с ума.

— Что заставляет вас так думать?

— Я всё время прислушиваюсь. Проверяю, кто идёт за мной. Смотрю на машины. Иногда мне кажется, что я вижу его, а потом понимаю, что это другой человек.

Она замолчала.

— И мне стыдно.

— За что?

— За то, что я такая.

Я посмотрела на неё.

— Вы не обязаны стыдиться того, что боитесь.

Я сказала это спокойно. Почти без усилий.

Внутри же подумала, что она действительно боится слишком сильно. Что её внимание стало похоже на моё: оно цепляется за мелочи, возвращается к ним, пытается извлечь из них значение. Я не сказала этого. Между нами была разница. Вильде пришла за помощью. Я была на работе.

Но я знала, что это не вся разница.

Я тоже хотела, чтобы кто-нибудь сказал мне, что я не схожу с ума.

Я не могла бы объяснить, почему именно эта мысль возникла в тот момент. Она не имела отношения к Вильде. По крайней мере, я хотела так считать.

— Я думаю, нам важно разделить то, что вы точно знаете, и то, чего пока не можете знать, — сказала я. — Прежнее поведение Синдре заслуживает внимания. Мы не будем его преуменьшать. Но неизвестная машина сама по себе ещё не доказывает, что он следит за вами.

Вильде опустила глаза.

— Значит, мне нужно перестать бояться?

— Нет. Вам нужно научиться оценивать опасность, не обвиняя себя за страх.

Она кивнула.

Я спросила, есть ли у неё подруга или родственник, к которому она может обратиться, если снова почувствует угрозу. Мы обсудили, как фиксировать конкретные эпизоды, как обращаться в полицию при непосредственной опасности, как изменить пароли и проверить доступ к телефону.

Я говорила профессионально. Я действительно хотела ей помочь.

Но когда она уходила, я заметила, что мне хочется, чтобы она обернулась.

Чтобы задержалась у двери.

Чтобы сказала что-нибудь вроде: «Хорошо, что я пришла именно к вам».

Она не обернулась.

Я закрыла дверь и осталась стоять.

Мне было неприятно.

Не из-за неё. Из-за себя.

Я хотела быть полезной, но хотела и подтверждения своей полезности. Я хотела, чтобы человек становился самостоятельнее, но не настолько, чтобы перестал нуждаться во мне. Это противоречие было мне знакомо. Я видела его у пациентов, называла зависимостью, тревогой привязанности, потребностью в подтверждении.

Когда речь шла обо мне, я предпочитала другое слово.

Профессиональная вовлечённость.

Я записала его в голове и тут же поняла, что оно мне не подходит.

К концу дня я устала от людей.

Я закрыла кабинет, проверила расписание на завтра и выключила компьютер. В коридоре было тихо. Администратор уже ушла. Я прошла к выходу и остановилась возле двери, чтобы проверить, не забыла ли сумку.

Сумка была у меня в руке.

Я посмотрела на неё.

Потом на дверь.

Мне показалось, что я слышала шаги за спиной. Я обернулась. Коридор был пуст.

Я постояла ещё несколько секунд.

Потом рассмеялась.

Тихо, без удовольствия.

Я знала, что это обычная реакция после долгого дня. Усталость, напряжение, внимание, которое не успевает переключиться. Я могла объяснить это лучше, чем многие мои пациенты.

Но объяснение не заставило меня сразу выйти.

Я проверила замок кабинета.

Он был закрыт.

Я проверила ещё раз.

Потом разозлилась на себя за то, что проверила дважды.

Вышла из здания.

На улице уже темнело. Я шла к остановке и думала о Вильде. О том, как она спросила, не считаю ли я, что она всё придумывает. Я подумала, что, возможно, она ждала от меня не помощи, а разрешения бояться.

Потом подумала, что сама часто ждала от других разрешения не бояться.

Я не знала, откуда взялась эта мысль.

Мне не понравилось её присутствие.

Я попыталась переключиться на что-нибудь другое. На работу, на продукты, на погоду. Но мысли возвращались к словам Вильде, к её телефону, к тёмно-синей машине.

Я представила, как она идёт домой и смотрит на припаркованные автомобили. Представила, как останавливается возле окна, чтобы проверить улицу. Представила, как ждёт звонка.

Потом представила, что кто-то ждёт моего звонка.

Я остановилась.

Нет.

Это была бессмысленная мысль.

Я не была Вильде. У меня не было бывшего партнёра, который следил бы за мной. У меня не было причин ждать угроз. Я жила одна, работала, платила счета, разговаривала с родителями по воскресеньям. Моя жизнь была устроена вполне прилично.

Я повторила это про себя.

Моя жизнь была устроена вполне прилично.

Мне захотелось засмеяться.

Телефон завибрировал, когда я стояла на остановке.

Сообщение от матери.

Ингрид, ты можешь мне позвонить, когда будет время? Я нашла кое-что из старых вещей. Это касается кассеты. Думаю, нам стоит поговорить.

Я прочитала сообщение.

Потом ещё раз.

Слово «кассета» показалось мне странным. Не потому, что я не понимала его значения. Просто оно принадлежало другому времени. Кассеты, автоответчики, записанные голоса. Всё это казалось давно законченным, почти не существующим.

Я почувствовала раздражение.

Мать могла бы написать, что именно нашла. Могла бы сразу объяснить, что случилось. Вместо этого она отправила сообщение, которое заставляло меня звонить и спрашивать. Она знала, что я не люблю недосказанность.

Или не знала.

Я посмотрела на экран.

Мне не понравилось, что я уже приписывала ей намерение.

Я набрала номер.

Мать ответила почти сразу.

— Ингрид?

— Что ты нашла?

— Старую кассету.

— Какую?

— Там написано имя Элизе.

Я ничего не сказала.

— Я не знала, что это, — продолжила мать. — Она лежала в коробке с документами. Я сначала хотела убрать её обратно, но потом решила послушать.

— Ты слушала?

— Да.

— Что там?

Мать помолчала.

— Голос Элизе.

Я почувствовала, как холодеют пальцы.

— Что она говорит?

— Она просит тебя перезвонить.

Я посмотрела на дорогу. Машины проезжали одна за другой. На противоположной стороне улицы мужчина закрывал велосипед на замок. Всё происходило совершенно обычно.

— Когда ты её нашла?

— Несколько недель назад.

— Почему не сказала раньше?

— Я не знала, как.

— Ты могла просто позвонить.

— Я знаю.

Я услышала, как мать вздохнула.

— Ингрид, я думаю, нам стоит послушать её вместе.

— Ты уже слушала дважды?

— Да.

— Почему дважды?

— Я хотела убедиться, что правильно расслышала.

Я закрыла глаза.

— Что именно она говорит?

Мать повторила:

— Она говорит, что ей нужно с тобой поговорить. Просит не откладывать.

Я почувствовала, что начинаю злиться.

— Ты можешь не пересказывать мне то, что я ещё не слышала?

Мать замолчала.

Я сразу пожалела о тоне. Не потому, что она не заслуживала раздражения, а потому, что я не хотела причинять ей боль. Или хотела, но не хотела знать, что хотела.

Это было утомительно.

— Прости, — сказала я.

— Ничего.

— Я приеду.

— Когда?

— На этой неделе.

— Может быть, в субботу?

— Я посмотрю.

— Хорошо.

Мать снова помолчала.

— Ингрид?

— Да?

— Ты помнишь тот вечер?

Я почувствовала, как внутри что-то сжалось.

— Какой вечер?

— Ну, когда…

Она не закончила.

— Нет, — сказала я. — Не помню.

— Ясно.

Я ждала, что она добавит что-нибудь ещё. Что объяснит, почему спросила. Что скажет, о каком вечере говорит.

Но она промолчала.

— Мам, — сказала я. — Что ты хотела сказать?

— Ничего. Поговорим, когда приедешь.

Я попрощалась.

Автобус подъехал к остановке, и я вошла.

Дома я не сразу сняла пальто.

Я стояла в прихожей и смотрела на дверь.

Потом проверила замок.

Я знала, что закрыла его, когда уходила. Я помнила движение ключа. Помнила, как повернула ручку после этого. Но мне всё равно хотелось проверить.

Я проверила.

Потом сняла пальто.

На кухне я поставила чайник и достала чашку. Она была чистой. Я всё равно ополоснула её ещё раз.

Мать сказала, что Элизе просила меня перезвонить.

Я пыталась представить голос сестры. Не запись, а настоящий голос. Как она произносила моё имя, когда хотела привлечь внимание. Как говорила «Ингрид» с раздражением, когда я не отвечала. Как смеялась, когда ей удавалось меня разозлить.

Я помнила это.

Или думала, что помнила.

Я села за стол.

В голове возникла мысль, что Элизе могла звонить мне не один раз. Что она могла оставлять сообщения, а я не перезванивала. Что могла приходить к родителям и спрашивать, где я. Что мать могла знать об этом.

Я остановилась.

Откуда я это взяла?

Из слов матери? Нет. Она сказала только, что нашла кассету и услышала просьбу перезвонить.

Всё остальное я придумала сама.

Я открыла блокнот и записала:

Мать нашла кассету в коробке с документами. На ней имя Элизе. Слушала дважды. Голос Элизе. Просит меня перезвонить. Говорит, что ей нужно поговорить со мной. Просит не откладывать.

Я перечитала написанное.

Потом добавила:

Дата записи неизвестна.

И ещё:

Неизвестно, когда я получила сообщение и получила ли вообще.

Я положила ручку.

Мне хотелось позвонить матери снова и спросить, почему она спросила про тот вечер. Но я не знала, какой именно вечер она имела в виду. Возможно, никакого определённого. Возможно, просто хотела проверить, помню ли я что-нибудь.

Я могла бы спросить прямо.

Но тогда пришлось бы услышать ответ.

Я посмотрела на часы.

Было почти одиннадцать.

Я выключила свет на кухне и пошла в спальню.

Легла, закрыла глаза.

Через минуту открыла.

Мне пришла в голову одна мысль.

Я могла не услышать сообщение.

Могла услышать и забыть.

Могла услышать, но не перезвонить.

А могла вообще никогда его не получать.

Все четыре варианта были возможны. Но почему-то только один из них причинял мне боль.

Я повернулась на бок.

Я знала, что нельзя путать чувство вины с доказательством вины. Я знала, что память ненадёжна. Знала, что человек может годами строить ложные объяснения вокруг случайного события.

Я знала это.

И всё же уже тогда начала вспоминать тот вечер.

Не сам вечер.

То, что я о нём думала. И то, чего, возможно, не хотела помнить.

Глава 2

На следующее утро я проснулась с мыслью, что мать могла солгать.

Не о кассете. Не о голосе Элизе. В этом я почти не сомневалась. Я подумала о том, что мать могла знать больше, чем сказала. Что она могла помнить тот вечер, о котором спросила меня по телефону. Что она могла намеренно не закончить фразу.

Я лежала с открытыми глазами и смотрела на потолок.

Это было возможно.

Но возможно было и другое: мать просто хотела спросить, помню ли я что-нибудь, и не знала, как сформулировать вопрос. Возможно, она сама не помнила, что именно хотела сказать. Возможно, я услышала в её паузе то, чего там не было.

Я повернулась на бок.

Мне не нравилось слово «возможно». Оно ничего не объясняло. Оно позволяло оставить открытыми все двери, а потом стоять посреди комнаты и бояться каждой.

Я знала, что сейчас делаю. Я искала намерение там, где могла быть обычная человеческая неловкость. Я приписывала матери скрытый смысл, потому что мне было легче подозревать её, чем признать, что я сама не помню.

Это было некрасиво.

Я подумала, что некрасивые мысли не обязательно нужно считать правдой.

Потом подумала, что это удобное правило.

Я встала.

На кухне я включила кофемашину и достала блокнот. Вчерашняя запись лежала на столе. Я прочитала её ещё раз.

Мать нашла кассету в коробке с документами.

На ней имя Элизе.

Голос Элизе.

Просит меня перезвонить.

Я задержалась на последней строке.

Мне хотелось написать: *Я не перезвонила.*

Но я не знала этого.

Я могла не получить сообщение. Могла получить и не услышать. Могла услышать и перезвонить. Могла перезвонить позже. Могла поговорить с ней в тот же день, а потом забыть разговор.

Я могла.

Я могла.

Я закрыла блокнот.

Не было смысла продолжать. Я не могла восстановить событие из одних предположений. Это было очевидно. Я говорила об этом пациентам. Я объясняла им, что тревога часто заставляет человека заполнять пробелы самым страшным содержанием.

Но я уже заполнила свой.

И теперь не хотела его стирать.

Первой пациенткой была женщина, которая никак не могла перестать отвечать на звонки бывшего мужа.

Они развелись два года назад. Дети жили с ней. Бывший муж звонил почти каждый день, иногда по нескольку раз. Он спрашивал, как дела у детей, что они ели, почему младший не надел куртку, кто забрал их из школы. Женщина говорила, что устала. Потом добавляла, что он хороший отец.

— Если я не отвечаю, он начинает писать, — сказала она.

— Что он пишет?

— Что я не даю ему общаться с детьми.

— А вы не даёте?

— Нет. Конечно, нет. Я просто не всегда могу говорить.

Она поправила рукав блузки.

— Иногда я смотрю на телефон и думаю, что лучше бы он вообще не звонил.

— Что вы чувствуете, когда думаете об этом?

— Вину.

Я посмотрела на неё.

— Почему?

— Потому что он отец. Потому что дети его любят. Потому что я не должна мешать.

Она произнесла это быстро, словно давно выучила.

— А чего хотите вы?

Женщина улыбнулась.

— Я хочу, чтобы он перестал звонить.

— Совсем?

Она замолчала.

Я ждала.

— Нет, — наконец сказала она. — Не совсем. Я хочу, чтобы он звонил, когда действительно нужно.

Я записала это.

Мне понравилась её поправка. В ней было что-то разумное. Она не хотела исчезновения бывшего мужа, не хотела лишать детей отца. Она хотела границ. Это было вполне понятно.

Но я заметила, что мне хотелось, чтобы она сказала что-нибудь более определённое. Что он её мучает. Что она больше не выдерживает. Что он не оставляет ей покоя.

Я хотела ясной картины.

Люди редко приносят ясные картины. Они приносят противоречия, оговорки, маленькие оправдания, которые сами же потом пытаются отменить. Иногда мне казалось, что они делают это намеренно, чтобы усложнить мне работу.

Я знала, что это неправда.

И всё равно раздражалась.

— Вы можете не отвечать на звонок, если сейчас не готовы говорить, — сказала я. — Важно договориться о том, как вы будете общаться по вопросам детей. И важно, чтобы вы не воспринимали каждую его реакцию как доказательство того, что поступили неправильно.

Она кивнула.

Я видела, что ей стало легче.

Мне следовало радоваться.

Я и радовалась.

Но ещё я думала, что ей, вероятно, придётся снова прийти на следующей неделе. Что мы продолжим разговор. Что она будет вспоминать о нашей встрече, когда телефон снова зазвонит.

Мне не понравилось, как быстро эта мысль принесла удовлетворение.

Я посмотрела на свои записи.

Я не хотела, чтобы людям было плохо.

Я хотела, чтобы они возвращались.

Разница была важной. Наверное.

Следующий пациент, мужчина лет сорока пяти, вёл учёт своих усилий в отношениях.

Он записывал, сколько раз звонил жене, сколько раз предлагал провести вечер вместе, сколько раз покупал продукты и сколько раз она отказывалась от его предложений.

Он принёс список.

— Я хочу показать вам, — сказал он.

Я посмотрела на лист.

В нём были даты, короткие заметки и цифры. Иногда рядом с датой стояли два плюса. Иногда минус. Я не сразу поняла, что означали обозначения.

— Это что?

— Мои попытки.

— А плюсы?

— Когда она соглашалась.

— А минусы?

— Когда отказывалась.

Он говорил спокойно. Даже гордился этой системой.

— Я просто хочу понять, сколько ещё можно стараться, — сказал он.

Я подняла глаза.

— Вы считаете, что количество попыток должно что-то изменить?

— Конечно. Если я стараюсь, она должна это замечать.

Я посмотрела на лист снова.

Мне захотелось спросить, когда он собирается начать считать попытки жены. Сколько раз она просила его оставить её в покое. Сколько раз объясняла, что не хочет ужинать вместе. Сколько раз он принимал её отказ за временное препятствие.

Но я не спросила.

Я спросила, что он чувствует, когда она отказывается.

Он ответил, что чувствует себя ненужным.

Это было ожидаемо.

Я почти разочаровалась.

Мне хотелось, чтобы он сказал что-нибудь более отвратительное. Что-то, что позволило бы мне окончательно решить, что он эгоист. Я хотела получить право на презрение, не сомневаясь в нём.

Это желание было знакомо.

Я не любила людей, которые требовали от других любви как платы за собственные усилия. Но я сама иногда ждала благодарности за то, что делала для пациентов. Я могла не произносить этого вслух, могла даже не осознавать, но замечала, как неприятно мне становилось, если человек уходил, не сказав, что ему помогла наша встреча.

Я хотела быть хорошей.

Нет.

Я хотела, чтобы меня считали хорошей.

Это было не одно и то же.

Я сделала пометку в блокноте, хотя она не относилась к пациенту.

Потом зачеркнула её.

Он продолжал говорить. Я слушала.

Я умела возвращаться к работе даже тогда, когда внутри происходило что-то неприятное. В этом, возможно, и заключалась моя профессиональная пригодность. Или моя способность скрывать от самой себя то, что не хотела замечать.

В перерыве я проверила телефон.

От матери ничего не было.

Я положила телефон на стол экраном вниз.

Через несколько минут перевернула.

Ничего.

Я почувствовала раздражение, хотя сама не знала, чего ждала. Мать уже сказала всё, что могла сказать по телефону. Она предложила приехать в субботу. Я согласилась, хотя и не назвала точного времени.

Возможно, она ждала, что я сама перезвоню.

Возможно, не ждала.

Я посмотрела на список звонков. Последний разговор с матерью был вчера вечером. До него мы говорили в воскресенье, как обычно.

Я открыла сообщения.

Никаких новых.

Я закрыла телефон.

Потом подумала, что если бы мать действительно хотела что-то скрыть, она вряд ли стала бы отправлять сообщение о кассете. Это было бы нелогично.

Но люди не всегда действуют логично.

Я сама не всегда действовала логично.

Мне не нравилось, что я начала использовать собственную нелогичность как доказательство чужой.

Я убрала телефон в ящик стола.

Через минуту достала.

Вильде написала мне после обеда.

Сообщение пришло на мобильный. Я прочитала его между двумя приёмами.

Я снова видела машину. Но теперь не уверена, что это была та же самая. Возможно, я просто испугалась, потому что она была похожего цвета.

Я перечитала сообщение.

Потом ещё раз.

Мне понравилось слово «возможно».

Не потому, что оно что-то доказывало. Оно ничего не доказывало. Но Вильде оставляла место для сомнения. Она не требовала, чтобы я подтвердила её страх. Она пыталась сама отделить то, что увидела, от того, что почувствовала.

Это было хорошо.

Я почувствовала облегчение.

И почти сразу — раздражение.

Мне не нравилось, что она пишет мне между встречами. Мне не нравилось, что я жду её сообщений. Мне не нравилось, что я замечаю разницу между её словами и хочу, чтобы она продолжала меняться именно так, как я считаю правильным.

Я хотела, чтобы она стала самостоятельнее.

Я хотела, чтобы она перестала бояться.

Я хотела, чтобы она помнила, кто помог ей перестать бояться.

Я положила телефон на стол.

Потом взяла снова и ответила:

Вы правильно сделали, что не стали сразу делать вывод. Попробуйте записать, что именно вы заметили, не добавляя предположений. Обсудим это на следующей встрече.

Я перечитала сообщение перед отправкой.

Оно было корректным. Спокойным. Не слишком тёплым и не слишком холодным.

Я отправила его.

Вильде ответила почти сразу:

Спасибо. Извините, что пишу вам.

Я посмотрела на экран.

Вот оно.

Извинение.

Мне захотелось написать, что ей не нужно извиняться. Что она имеет право обращаться за поддержкой. Что мы обсудим границы контакта, если это понадобится.

Вместо этого я некоторое время просто смотрела на её сообщение.

Мне нравилось, что она извиняется.

Мне нравилось, что она думает обо мне.

Мне нравилось, что я могу ответить и изменить её состояние несколькими словами.

Я почувствовала отвращение.

Потом раздражение от того, что испытываю отвращение.

Потом усталость от того, что даже отвращение не могу оставить в покое.

Я убрала телефон.

В кабинете было тихо.

Я подумала о том, что Вильде, вероятно, не знает, насколько много места занимает в моей голове. Она пришла ко мне с тревогой, с историей о бывшем партнёре, с машиной, которую могла принять за чужую. Она не просила меня думать о ней после работы. Не просила ждать её сообщений. Не просила становиться человеком, от которого зависит её спокойствие.

Это была моя работа.

Нет.

Это было уже не совсем моей работой.

Я посмотрела на часы и открыла папку следующего пациента.

Вечером я вернулась домой и первым делом проверила почтовый ящик.

Он был пуст.

Я не знала, почему проверила именно сейчас. Письма обычно приходили днём. Я могла посмотреть утром. Но мне хотелось увидеть, нет ли чего-нибудь от матери.

Я поднялась в квартиру.

На кухне включила свет, положила сумку на стул и достала телефон.

Мать по-прежнему не писала.

Я подумала, что она могла позвонить.

Потом подумала, что сама могла позвонить ей.

Потом подумала, что она, возможно, ждёт, когда я приеду, потому что не хочет говорить по телефону.

Это было разумно.

Я могла принять это объяснение.

Но мне хотелось другого. Хотелось, чтобы она сама позвонила и сказала, что вспомнила ещё что-нибудь. Что кассета не единственная. Что она знает, о каком вечере говорила. Что она помнит, где я была, что делала, почему не ответила.

Почему не ответила.

Я остановилась.

Я опять произнесла это так, словно уже знала, что не ответила.

Я подошла к столу и открыла блокнот.

Вчерашняя запись выглядела слишком аккуратной. Слишком окончательной. Я дописала под ней:

Не установлено, была ли запись оставлена на автоответчике.

Не установлено, слышала ли я её в 1993 году.

Не установлено, звонила ли Элизе повторно.

Я посмотрела на последнюю строку.

Она показалась мне важнее остальных.

Я представила сестру возле телефона. Она могла стоять в нашей старой кухне, могла держать трубку, могла ждать, пока я возьму её. Могла злиться. Могла не злиться. Могла вообще не ждать меня, а просто оставить сообщение и пойти заниматься своими делами.

Я не знала.

Я не знала даже того, что именно хочу вспомнить.

Мне хотелось, чтобы Элизе была сердита на меня. Тогда всё имело бы причину. Она хотела поговорить, я не захотела, она обиделась. Это было бы неприятно, но понятно. У ссоры была бы форма. У моей вины — начало.

Мне хотелось и обратного.

Чтобы она не была сердита. Чтобы мы поговорили. Чтобы я перезвонила. Чтобы всё закончилось обычным разговором, который я потом забыла, потому что он не имел значения.

Я хотела двух несовместимых вещей.

И обе причиняли мне боль.

Я закрыла блокнот.

На столе стояла чашка. Я отнесла её к раковине, вымыла и поставила в сушилку.

Ручкой вправо.

Я заметила это и переставила её.

Потом снова поставила ручкой вправо.

Я стояла и смотрела на чашку, пока не поняла, что делаю.

Тогда я ушла из кухни.

Перед сном я всё-таки позвонила матери.

Она ответила не сразу.

— Ингрид?

— Я хотела спросить, ты помнишь, когда нашла кассету?

— Я же говорила. Несколько недель назад.

— В какой коробке?

— В коробке с документами. Там были старые бумаги, фотографии, какие-то квитанции.

— Она была подписана?

— Да. Там было написано имя Элизе.

— Её почерком?

Мать помолчала.

— Я думаю, да.

— Ты думаешь или уверена?

— Ингрид, я не знаю. Я не сравнивала.

Я закрыла глаза.

— Хорошо.

— Ты расстроена?

— Нет.

Я сказала это слишком быстро.

Мать не ответила.

— Просто я хочу понять, — добавила я.

— Я понимаю.

Я услышала в её голосе усталость. Возможно, ей тоже было страшно. Возможно, она сожалела, что вообще нашла кассету. Возможно, ей хотелось вернуть её в коробку, завернуть в ткань и больше никогда не доставать.

Я почти разозлилась на неё за это.

Почти.

— Мы поговорим в субботу, — сказала она.

— Да.

— Постарайся не думать об этом всё время.

Я почувствовала, как напряглась челюсть.

— Я не думаю об этом всё время.

Это была неправда.

Мать ничего не сказала.

Мы попрощались.

Я положила телефон на тумбочку и выключила свет.

Потом долго лежала, слушая тишину.

Мне хотелось, чтобы мать не говорила мне, о чём думать. Мне хотелось, чтобы она сказала больше. Мне хотелось, чтобы она ничего не скрывала. Мне хотелось, чтобы она сама не помнила, потому что тогда мне не пришлось бы выяснять, что именно я забыла.

Я перевернулась на другой бок.

Я вспомнила, как Элизе произносила моё имя.

Или мне показалось, что вспомнила.

Я попыталась услышать её голос отчётливее. Но чем сильнее старалась, тем больше он менялся. Сначала был раздражённым. Потом тихим. Потом почти весёлым. Я не могла понять, какой из этих голосов настоящий.

Я открыла глаза.

В темноте всё выглядело одинаково.

Я подумала, что завтра не буду заниматься кассетой. Не буду звонить матери. Не буду проверять старые бумаги. Буду работать. Буду разговаривать с пациентами. Буду делать то, что делала всегда.

Я даже поверила себе.

Потом вспомнила, что в субботу мне предстоит услышать голос сестры ещё раз.

И впервые за долгое время мне захотелось, чтобы наступление выходных задержалось.

Глава 3

Я проснулась от собственного голоса.

Во сне я с кем-то спорила. Не помнила с кем, не помнила о чём. Помнила только, что говорила очень спокойно. Даже слишком спокойно. Я объясняла человеку, что он ошибается, что не понимает очевидных вещей, что я уже несколько раз повторила одно и то же.

Потом сказала:

— Ты никогда меня не слушаешь.

Я открыла глаза.

В комнате было темно. За окном проехала машина. Я посмотрела на часы: четыре семнадцать.

Я не любила просыпаться посреди ночи. В такие минуты мысли казались особенно убедительными. Днём я могла заметить их нелепость, могла отложить, проверить, подвергнуть сомнению. Ночью они приходили уже готовыми. С выводами. С обвинениями. Иногда даже с воспоминаниями, которых я не просила.

Я лежала и пыталась вспомнить лицо человека из сна.

Не получилось.

Зато я вспомнила Элизе.

Это было несправедливо. Я не хотела вспоминать её именно сейчас. Я не хотела, чтобы она появлялась всякий раз, когда я закрывала глаза. У неё было достаточно времени, чтобы появляться в моей жизни. У меня тоже было достаточно времени, чтобы привыкнуть к её отсутствию.

Я повернулась на спину.

Возможно, я скучала по ней.

Эта мысль показалась мне слишком простой. Почти сентиментальной. Я не доверяла простым объяснениям, особенно когда они позволяли почувствовать себя хорошим человеком.

Скучать по умершему — безопасно. Мёртвый не может возразить. Не может напомнить, что ты не звонила, не пришла, не слушала. Он не может сказать, что ты опять всё поняла неправильно.

Я закрыла глаза.

И тут же открыла.

Мне показалось, что я услышала звук в прихожей.

Я прислушалась.

Тишина.

Я посмотрела на дверь спальни. Она была приоткрыта. В коридоре темно. Ничего не двигалось.

Я встала, прошла в прихожую и проверила замок.

Он был закрыт.

Конечно, был закрыт.

Я вернулась в кровать и подумала, что теперь хотя бы знаю, что дверь закрыта. Это должно было помочь.

Не помогло.

В клинику я пришла раньше обычного.

На улице было холодно, но воздух казался свежим. Ветер двигал ветви деревьев возле здания, и светлые листья прилипали к мокрому асфальту. Я остановилась у входа и посмотрела на окна верхнего этажа.

В одном горел свет.

Я подумала, что кто-то уже работает.

Потом подумала, что это не имеет ко мне отношения.

Мне всё чаще приходилось объяснять себе, что не имеет ко мне отношения.

В кабинете я поставила сумку на стул, включила компьютер и открыла расписание. Первой была пациентка, которая жаловалась на мать. Та звонила ей несколько раз в день, спрашивала, поела ли она, тепло ли оделась, почему не приехала в воскресенье.

— Я знаю, что она волнуется, — сказала пациентка. — Но иногда мне хочется выключить телефон и больше никогда его не включать.

— Что вас останавливает?

— Я буду чувствовать себя плохой дочерью.

— А если вы не ответите один раз, что это будет означать?

Она посмотрела на меня.

— Что я её не люблю.

Я кивнула.

— Это единственное возможное объяснение?

Она задумалась.

— Нет.

— Какие ещё есть?

— Что я занята. Что я устала. Что я не хочу разговаривать.

Она улыбнулась, словно сама удивилась этим ответам.

Я улыбнулась в ответ.

Мне нравилось, когда человек начинал замечать, что его привычная мысль не единственная. Это было похоже на открытие окна в душной комнате. Иногда достаточно было одного вопроса.

Я посмотрела на женщину и вдруг подумала, что она, вероятно, позвонит матери сразу после нашей встречи.

Не потому, что поняла что-то новое. Просто потому, что почувствует вину.

Я почти сказала ей об этом.

Но не сказала.

— Вы можете попробовать не отвечать на один звонок, — предложила я. — Не в качестве наказания, а чтобы проверить, что произойдёт с вами, если вы не отреагируете сразу.

Она кивнула.

Я записала это.

И подумала о собственной матери.

Я не хотела отвечать ей не потому, что была занята. Я хотела, чтобы она сама позвонила. Чтобы она не оставляла мне выбора. Чтобы она сказала всё, что знает, не заставляя меня вытаскивать из неё слова по одному.

Я хотела, чтобы она перестала быть матерью и стала свидетелем.

Эта мысль мне не понравилась.

Мать не обязана была быть свидетелем. Она была человеком. Женщиной, которая потеряла дочь и теперь нашла старую кассету. Возможно, она боялась её больше, чем я.

Я могла это понять.

Но понимание не делало меня добрее.

В перерыве я открыла электронную почту.

Там было сообщение от Вильде.

Я вчера снова посмотрела список подключённых устройств. Там появилось что-то, чего я не знаю. Я не понимаю, как это могло произойти. Я ничего не делала.

Я прочитала письмо один раз.

Потом второй.

На этот раз Вильде не писала, что Синдре следит за ней. Она писала только о неизвестном устройстве. Это была деталь. Её можно было проверить. Можно было выяснить, что это за устройство, когда оно подключилось, есть ли у него доступ к её аккаунту.

Я почувствовала беспокойство.

Потом раздражение.

Потом что-то похожее на интерес.

Я хотела, чтобы это оказалось реальной проблемой. Не потому, что хотела, чтобы Вильде пострадала. Я хотела, чтобы её страх имел основание. Тогда всё было бы проще. Тогда мне не пришлось бы каждый раз отделять её тревогу от фактов. Тогда я могла бы помочь ей защититься от конкретного человека.

Мне было стыдно за эту мысль.

Я хотела ясности больше, чем безопасности.

Я закрыла письмо.

Через минуту открыла снова.

Вильде писала, что не знает, что делать. Что Синдре раньше имел доступ к её телефону. Что она боится, что он всё ещё может видеть её сообщения.

Я ответила, что ей стоит сменить пароли, завершить неизвестные сеансы, проверить настройки безопасности и обратиться за технической помощью, если она не сможет определить устройство. Я написала, что не следует самостоятельно связывать его с Синдре, пока нет подтверждения.

Потом добавила, что если она обнаружит конкретные признаки доступа к её аккаунтам или получит угрозы, нужно сохранить доказательства и обратиться в полицию.

Я перечитала письмо.

Всё было правильно.

И всё же мне хотелось написать что-нибудь другое.

Например: Я вам верю.

Но чему именно я должна была верить?

Тому, что она видела неизвестное устройство? Да.

Тому, что оно принадлежит Синдре? Нет, этого я не знала.

Тому, что она боится? Конечно.

Тому, что страх всегда говорит правду? Нет.

Я не отправила эту фразу.

Вместо неё написала:

Вы не обязаны разбираться с этим в одиночку.

Отправила.

Потом долго смотрела на экран.

Я вдруг поняла, что именно эта фраза мне самой понравилась больше всего.

Не потому, что она была полезной.

Потому, что я хотела, чтобы Вильде нуждалась в человеке, который скажет её.

В середине дня пришёл мужчина, который жаловался на мать.

Он говорил, что она вмешивается в его жизнь, звонит без предупреждения, спрашивает, где он, с кем и почему не приезжает. Ему было тридцать восемь. Он жил отдельно, работал, встречался с женщиной, с которой собирался пожениться.

— Я не могу просто сказать ей, чтобы она отстала, — сказал он. — Она моя мать.

Я посмотрела на него.

— А что вы хотите ей сказать?

— Что мне нужно пространство.

— Вы говорили ей об этом?

— Да.

— И что произошло?

— Она обиделась.

Он произнёс это с таким выражением, словно обида матери была доказательством его поражения.

Я спросила, что именно он считает своей обязанностью.

Он пожал плечами.

— Не расстраивать её.

Я записала фразу.

Не расстраивать.

Я подумала о том, что люди часто хотят не отношений, а отсутствия неприятных последствий. Они хотят говорить правду, но не хотят, чтобы кто-нибудь на неё реагировал. Хотят устанавливать границы, но хотят, чтобы другой человек улыбался и благодарил их за это.

Я не была исключением.

Мне хотелось, чтобы мать рассказала мне всё, но не расстроилась от моих вопросов. Хотелось, чтобы она вспомнила, но не обвинила меня. Хотелось, чтобы она не забыла ничего важного, но и не помнила ничего такого, что могло бы причинить мне боль.

Я хотела получить правду в удобном виде.

Так не бывает.

Я посмотрела на пациента.

— Вы не можете отвечать за все чувства вашей матери, — сказала я. — Но можете отвечать за то, как с ней разговариваете.

Он кивнул.

Я продолжила объяснять, как можно обозначить границы, не превращая разговор в наказание.

И всё время думала о том, что сама собираюсь ехать к родителям.

Я не хотела разговаривать с матерью о её чувствах.

Я хотела задавать вопросы.

После работы я долго не могла решить, идти ли домой пешком или ехать на автобусе.

Пошла пешком.

Мне хотелось пройтись, но я не хотела признавать, что просто откладываю возвращение в квартиру. Там лежал блокнот. Там стояла чашка. Там был телефон, который мог зазвонить.

Я шла по улице и смотрела на витрины.

В одном окне стояли маленькие керамические фигурки. Я остановилась возле них. На полке сидела белая птица с длинной шеей. Её крыло было неровным, одно перо выступало в сторону.

Я подумала, что мастер мог бы исправить это.

Потом подумала, что, возможно, именно поэтому оставил.

Мне не понравилась эта мысль. Она была слишком похожа на попытку найти смысл в случайной неровности.

Я пошла дальше.

Телефон завибрировал.

Сообщение от Вильде.

Я сменила пароли. Неизвестное устройство больше не отображается. Я не знаю, было ли это что-то опасное. Но мне стало немного спокойнее.

Я прочитала сообщение.

Почувствовала облегчение.

Потом — странное разочарование.

Неизвестное устройство исчезло. Это хорошо. Это действительно хорошо. Я должна была радоваться, что Вильде спокойнее, что проблема, возможно, решилась, что ей не пришлось столкнуться с новой угрозой.

Но мне хотелось узнать больше.

Хотелось, чтобы она написала ещё.

Хотелось, чтобы она спросила, правильно ли поступила.

Я остановилась возле перехода.

Мне было сорок лет. Я была психологом. Я знала, что зависимость пациента от специалиста не является доказательством хорошей терапии. Я знала, что помощь должна постепенно возвращать человеку способность обходиться без постоянного подтверждения извне.

Я знала всё это.

И всё равно ждала следующего сообщения.

Я ответила:

Хорошо, что вы смогли разобраться с настройками. Давайте обсудим на встрече, что помогло вам почувствовать себя спокойнее.

Отправила.

И убрала телефон в карман.

На этот раз не стала проверять, прочитала ли она.

Дома я приготовила ужин, но почти не ела.

Потом достала блокнот.

Я хотела записать всё, что помнила о кассете. Не воспоминания. Только факты. Я решила, что если буду записывать факты достаточно точно, то смогу не запутаться в собственных предположениях.

Я открыла чистую страницу.

Элизе умерла в 1993 году.

Я остановилась.

Это был факт.

Перед смертью она пыталась со мной связаться.

Я зачеркнула строку.

Это не было фактом. Было известно только, что на кассете записан её голос и что в записи она просила меня перезвонить. Неизвестно, когда она сделала запись. Неизвестно, кому принадлежал телефон. Неизвестно, когда и как сообщение попало на кассету.

Я написала заново:

На кассете имеется запись голоса Элизе. В записи она обращается ко мне и просит перезвонить.

Потом:

Дата записи неизвестна.

Потом:

Неизвестно, слышала ли я эту запись при жизни Элизе.

Я отложила ручку.

Мне хотелось написать ещё одну строку.

Возможно, я не ответила.

Я не написала.

Я смотрела на пустое место под последней записью.

Потом всё-таки написала.

И обвела.

Это было бессмысленно. Я знала, что не следует выделять предположение так, словно оно важнее факта. Но мне хотелось видеть эту фразу. Хотелось, чтобы она находилась перед глазами.

Я перечитала её.

Возможно, я не ответила.

Возможно, я не ответила.

Я не ответила.

Нет.

Я не знала.

Я закрыла блокнот.

Позже позвонила мать.

Я не сразу взяла трубку.

Сначала посмотрела на экран. Потом на часы. Потом снова на экран.

Я могла не отвечать.

Могла перезвонить позже.

Могла позволить ей подождать, как, возможно, когда-то ждала Элизе.

Я почувствовала, как внутри поднимается что-то неприятное. Не страх. Не вина. Что-то похожее на злость, направленную не туда.

Телефон продолжал звонить.

Я ответила.

— Да, мам.

— Ты дома?

— Да.

— Я не помешала?

Я закрыла глаза.

— Нет. Что случилось?

— Ничего. Просто хотела узнать, когда ты приедешь.

— В субботу.

— Ты сможешь к обеду?

— Да.

Мать помолчала.

— Я положила кассету отдельно. Чтобы не потерялась.

— Хорошо.

— И ещё я нашла несколько фотографий. Не знаю, имеют ли они отношение к тому времени.

— Какие фотографии?

— Старые. Из альбома.

Я почувствовала, как напряглась рука, державшая телефон.

— Ты их смотрела?

— Да.

— И что?

— Ничего особенного, Ингрид. Просто фотографии.

Я не поверила ей.

Не потому, что у меня были основания. Потому, что мне не понравилось её спокойствие. Мне хотелось, чтобы она тоже была встревожена. Чтобы не могла спокойно произнести «ничего особенного». Чтобы понимала, что это не просто фотографии и не просто кассета.

Но, возможно, для неё это действительно были фотографии.

Для неё Элизе была дочерью, которую она потеряла. Для меня она была ещё и вопросом, на который я не могла ответить.

Это было несправедливо по отношению к матери.

Я знала.

— Хорошо, — сказала я. — Посмотрим в субботу.

— Конечно.

Она хотела что-то добавить. Я слышала это по паузе.

— Что? — спросила я.

— Ничего.

— Мам.

— Я просто подумала, что тебе, наверное, нелегко.

Мне захотелось спросить, что именно ей известно.

Вместо этого я сказала:

— Всё нормально.

Она вздохнула.

— Хорошо. Тогда до субботы.

Мы попрощались.

Я ещё несколько секунд держала телефон у уха.

Потом посмотрела на экран.

Разговор закончился.

Я положила телефон на стол и пошла в ванную.

Перед сном я снова проверила дверь.

На этот раз один раз.

Я отметила это как маленькую победу, хотя не понимала, над чем именно победила. Над привычкой? Над тревогой? Над собственным желанием проверить ещё раз?

Я легла.

Мне вспомнилась женщина, которая не могла не отвечать матери. Мужчина, который не хотел расстраивать свою мать. Вильде, которая извинилась за сообщение.

Три человека, три разных истории.

И одна мысль, которая почему-то подходила ко всем.

Они хотели, чтобы другой человек перестал делать то, что заставляло их чувствовать себя плохо. Но сами не могли перестать ждать, надеяться, проверять, требовать.

Я подумала, что люди редко хотят свободы. Чаще они хотят, чтобы другой человек добровольно сделал то, чего они от него добиваются.

Я отвернулась к стене.

А потом подумала о себе.

Я хотела, чтобы Элизе позвонила мне снова.

Не потому, что могла бы ответить. Не потому, что теперь была готова её выслушать. Просто потому, что тогда у меня появился бы ещё один шанс.

Ещё один звонок.

Ещё одна возможность.

Ещё одна минута, в которой я могла бы поступить иначе.

Я знала, что это невозможно.

Я знала, что нельзя требовать от умершего человека повторения.

Но всё равно ждала.

И, кажется, именно это было самым постыдным: я уже начинала сердиться на Элизе за то, что она больше не могла мне позвонить.

Глава 4

Я всегда считала, что честность — удобное слово для людей, которые не умеют быть осторожными.

Они говорят, что просто высказывают своё мнение. Что не хотят ничего скрывать. Что предпочитают правду красивой лжи. И потом произносят то, что давно хотели произнести, но не решались, пока не нашли для этого достаточно благородное название.

Мне не нравилась такая честность.

Я предпочитала точность.

Точность не требовала от человека быть хорошим. Она требовала только не говорить того, чего он не знает.

Впрочем, я сама часто говорила то, чего не знала. Просто старалась не замечать.

Утром я перечитала свои записи о кассете. Потом закрыла блокнот и убрала его в ящик стола. Я решила, что не буду думать об Элизе до субботы.

Это было разумное решение.

Я даже почувствовала облегчение.

Потом открыла ящик и проверила, лежит ли блокнот на месте.

Он лежал.

Я закрыла ящик.

Мне было сорок лет. Я не должна была вести себя так, будто в ящике находилось что-то опасное. Там лежал обычный блокнот с несколькими строками, написанными моей рукой. Никакой тайны. Никакой угрозы.

Я повторила это про себя.

Потом пошла на работу.

В кафе возле клиники я заказала кофе и села у окна.

За соседним столиком сидели две женщины. Одна говорила о третьей, которой не было рядом. Она говорила негромко, но с той особенной интонацией, которая позволяла понять: разговор предназначен не только собеседнице, но и всем, кто случайно услышит.

— Она всегда так делает, — сказала женщина. — Сначала просит помощи, потом обижается, когда ей говорят правду.

Вторая засмеялась.

— Ну, ты же знаешь, какая она.

Я посмотрела на них.

Мне было интересно, заметят ли они, что я слышу.

Первая женщина продолжила. Она говорила о том, что их общая знакомая слишком много требует, слишком часто жалуется, слишком болезненно реагирует на замечания. Вторая время от времени кивала.

Я подумала, что обе они, вероятно, считают себя разумными людьми. Одна — потому что говорит правду. Другая — потому что умеет слушать.

Я не знала, кто была третья женщина. Не знала, действительно ли она была такой, как её описывали. Но мне уже хотелось её защитить.

Не из сочувствия.

Мне просто не нравилось, когда люди объединялись в маленькие суды над отсутствующими.

Я подняла глаза и встретилась взглядом с первой женщиной.

Она замолчала.

Я продолжала смотреть.

Она отвела глаза и наклонилась к чашке.

Мне стало приятно.

Это было глупое, мелкое удовольствие. Я заставила незнакомую женщину почувствовать себя неловко, даже не произнеся ни слова. Ничего не изменилось. Третья женщина по-прежнему отсутствовала, её репутация оставалась в руках двух других, а я просто сидела с кофе и наслаждалась чужим смущением.

Я допила кофе.

Потом подумала, что, возможно, сама была не лучше.

Я тоже обсуждала людей, которых не было рядом. В кабинете. В голове. Иногда я могла разобрать человека на маленькие неприятные части, не оставив ему ничего, кроме его недостатков. Я могла быть жестокой, даже не открывая рта.

Но, по крайней мере, я знала, что делаю.

Это было моим любимым оправданием.

Рагнхильд пришла точно ко времени.

Она сняла пальто, аккуратно повесила его на спинку кресла и посмотрела на меня.

— Я опять говорила с мужем о чашке, — сказала она.

Я улыбнулась.

— И как прошло?

— Он сказал, что я слишком много думаю о ерунде.

— Что вы почувствовали?

— Что он меня не уважает.

Я кивнула.

Она рассказала, что муж снова пил из старой чашки. Новую поставил в шкаф. Рагнхильд спросила, почему он не пользуется подарком, и он ответил, что старая чашка удобнее.

— Я сказала ему, что дело не в чашке.

— А в чём?

— В том, что он никогда меня не слушает.

Я посмотрела на неё.

— Что вы хотели бы, чтобы он услышал?

Рагнхильд задумалась.

— Что мне неприятно.

— Вы говорили ему именно это?

— Да.

— И что он ответил?

— Что я преувеличиваю.

Она вздохнула.

Я смотрела на её руки. Она сцепила пальцы, затем разъединила, потом снова сцепила. Её ногти были короткими, без лака. На правом указательном пальце виднелась маленькая царапина.

Я подумала, что она, вероятно, сама сорвала заусенец.

Потом разозлилась на себя за то, что замечаю такие вещи.

Я могла бы слушать её. Я должна была слушать её. Но иногда мелочи возникали передо мной так отчётливо, что заслоняли всё остальное. Я цеплялась за них, словно они могли сообщить мне что-то важное о человеке.

Может быть, это было профессиональным навыком.

Может быть, просто привычкой вторгаться в чужую жизнь.

— Вам кажется, что муж не замечает ваших чувств, — сказала я.

— Да.

— А вы замечаете его?

Она посмотрела на меня.

— Что вы имеете в виду?

— Вы знаете, почему ему нравится старая чашка?

— Потому что он упрямый.

— Возможно. Но вы спрашивали его об этом?

Рагнхильд нахмурилась.

— Он сказал, что она удобная.

— Вы ему не поверили?

— Нет.

— Почему?

Она пожала плечами.

— Потому что он всегда так говорит.

Я сделала паузу.

— А если в этот раз он сказал правду?

Рагнхильд посмотрела на меня с явным недовольством.

Я знала этот взгляд. Человек приходит за помощью, но не всегда хочет, чтобы ему предлагали другой способ видеть ситуацию. Иногда ему нужно, чтобы его боль признали. Иногда — чтобы ему разрешили сердиться. Иногда он хочет, чтобы специалист подтвердил: да, вы правы, другой человек действительно ужасен.

Я не собиралась этого делать.

Но заметила, что мне нравится её недовольство. Оно означало, что мой вопрос попал в какое-то чувствительное место.

Мне понравилось быть причиной её неудобства.

Я записала что-то в блокнот.

— Я не говорю, что ваши чувства неправильные, — сказала я. — Но чашка может означать для вас больше, чем для него. И это различие стоит исследовать.

Рагнхильд ничего не ответила.

В конце встречи она поблагодарила меня. Сказала, что подумает над тем, что мы обсудили.

Я улыбнулась.

Когда дверь закрылась, я посмотрела на пустое кресло.

Я не любила чашку Рагнхильд. Я вообще не любила эту историю. Мне казалось унизительным, что два взрослых человека способны столько времени спорить из-за предмета с отколотой ручкой.

И всё же я понимала, что чашка была не предметом.

Я понимала это.

Но мне хотелось, чтобы она выбросила её. Просто выбросила. Чтобы перестала смотреть на неё, перестала искать в ней доказательство нелюбви, перестала возвращаться к ней.

Мне хотелось, чтобы люди перестали возвращаться к тому, что причиняло им боль.

Я не замечала, что сама делала именно это.

Вильде написала около трёх часов.

Я снова нашла неизвестное устройство в списке подключений. Я не понимаю, почему оно возвращается.

Я прочитала сообщение и почувствовала, как внутри что-то сдвинулось.

Не страх.

Ожидание.

Я сразу открыла её предыдущие письма. Проверила даты. Посмотрела, когда она впервые сообщила о неизвестном устройстве, когда сменила пароли, когда написала, что оно исчезло.

Потом открыла новое сообщение.

Я не знаю, связано ли это с Синдре. Но мне кажется, что он всё ещё может видеть мои сообщения.

Я откинулась на спинку кресла.

Мне не нравилось, что Вильде снова возвращалась к той же мысли. Но мне не нравилось и то, что устройство действительно появилось снова. Это могло быть технической ошибкой. Могло быть старым подключением, которое отображалось неправильно. Могло иметь отношение к Синдре.

Могло.

Я не знала.

Я почувствовала знакомое раздражение. Мне хотелось, чтобы Вильде перестала писать предположения и принесла факты. И одновременно я хотела, чтобы она продолжала рассказывать. Чтобы не оставляла меня за пределами происходящего.

Я посмотрела на экран.

Мне вдруг пришло в голову, что я уже знаю, когда она обычно пишет. Знаю, что она сначала долго формулирует сообщение, потом извиняется. Знаю, что после моего ответа ей становится спокойнее.

Я знала слишком много о человеке, который не должен был занимать столько места в моей жизни.

Я закрыла почту.

Через несколько минут открыла снова.

Я ответила, что появление устройства стоит проверить технически, но само по себе оно не доказывает, что кто-то наблюдает за ней. Предложила обратиться к специалисту по цифровой безопасности и сохранить скриншоты. Напомнила, что при конкретных угрозах или попытках доступа к личным аккаунтам можно обратиться в полицию.

Потом написала:

Не пытайтесь решить всё самостоятельно, если чувствуете, что ситуация становится небезопасной.

Я остановилась.

Удалять не стала.

Отправила.

Вильде ответила:

Я боюсь, что вы думаете, будто я всё придумываю.

Я прочитала эту фразу несколько раз.

Потом набрала:

Я не считаю, что вы всё придумываете.

Удалить.

Набрала:

Я не могу подтвердить, что это Синдре, но не собираюсь обесценивать то, что вы переживаете.

Оставила.

Отправила.

Я отложила телефон.

Мне хотелось, чтобы Вильде поняла разницу. Мне хотелось, чтобы она доверяла мне. Мне хотелось, чтобы она не доверяла мне настолько, чтобы перестать думать самостоятельно.

Я не могла совместить эти желания.

Но я пыталась.

Вечером дома я дважды проверила замок.

На второй раз я уже знала, что он закрыт. Я помнила, как повернула ключ. Помнила звук. Помнила, как потянула ручку.

И всё-таки проверила.

Я стояла в прихожей, держась за дверную ручку, и думала о том, что проверка ничего не меняет. Она не делает квартиру безопаснее. Она только на короткое время уменьшает сомнение.

Потом сомнение возвращается.

Я знала этот механизм.

Я могла объяснить его любому человеку.

Но когда речь шла обо мне, объяснение становилось почти оскорбительным. Как будто кто-то предлагал мне поверить, что я не умею отличать реальную опасность от собственной мысли.

Я отпустила ручку.

Потом снова взялась за неё.

Нет.

Я резко отступила от двери.

Мне было противно.

Я прошла на кухню, налила воды и выпила её стоя. Потом достала телефон. На экране было сообщение от матери.

В субботу я покажу тебе кассету. Отец тоже будет дома.

Я прочитала сообщение.

Отец тоже будет дома.

Почему она это уточнила?

Я попыталась найти объяснение. Возможно, просто потому, что отец обычно уходит в магазин по субботам. Возможно, мать хотела, чтобы мы все были вместе. Возможно, отец уже знал о кассете и хотел присутствовать при разговоре.

Я набрала:

Он знает, что на ней?

Посмотрела на сообщение.

Удалить.

Набрала снова:

Хорошо. Я приеду к обеду.

Отправила.

Мать ответила:

Хорошо, дорогая.

Я положила телефон.

Мне не понравилось слово «дорогая». Мать нечасто называла меня так. Или я просто не помнила. Я попыталась вспомнить, когда слышала его в последний раз.

Ничего.

Я подумала, что она, возможно, хочет меня успокоить.

Или хочет, чтобы я не задавала вопросов.

Я разозлилась.

Потом поняла, что злюсь на слово, которое могло быть совершенно обычным проявлением нежности.

Мне было сорок лет.

Я стояла на кухне и подозревала мать в скрытом смысле из-за двух слогов.

Я выключила свет.

Поздно вечером я снова достала блокнот.

На первой странице лежали записи о кассете. Я открыла их и перечитала всё от начала до конца.

Голос Элизе.

Просит перезвонить.

Неизвестно, слышала ли я запись.

Я добавила:

Неизвестно, почему мать спросила, помню ли я тот вечер.

Потом:

Неизвестно, что именно мать знает.

Я посмотрела на последнюю строку.

Она была несправедливой.

Мать не обязана была знать всё. Она не обязана была помнить то, что случилось двадцать лет назад. Она не обязана была давать мне точные ответы только потому, что я наконец решила задавать вопросы.

Я зачеркнула строку.

Но так, что её всё равно можно было прочитать.

Мне не нравилось, когда записи оставались нечистыми. Я провела ручкой по зачёркнутому ещё раз.

Теперь слова почти исчезли.

Я закрыла блокнот.

И тут вспомнила одну вещь.

Не знаю, почему именно сейчас.

Элизе стояла возле двери моей комнаты. На ней была тёмная кофта. Она что-то говорила. Я не слышала начала фразы, только конец:

— Ты даже не знаешь, что я хочу сказать.

Я сидела за столом. Передо мной лежали бумаги. Я не поднимала головы.

— Потом, — сказала я.

Элизе не уходила.

— Ты всегда говоришь потом.

Я посмотрела на неё.

Она была сердита.

Или расстроена.

Или просто устала.

Я не могла вспомнить.

Потом она ушла.

Я сидела и смотрела на бумаги.

Это воспоминание было таким отчётливым, что я почти почувствовала запах комнаты. Пыль, бумага, что-то сладкое. Я могла бы описать, как падал свет на край стола.

Но я не знала, когда это произошло.

Не знала, было ли это до кассеты.

Не знала, было ли это вообще в 1993 году.

Я закрыла глаза.

Я хотела сохранить воспоминание, но боялась его испортить. Хотела проверить, но не знала, с чем сравнивать. Хотела спросить у матери, но боялась, что она скажет, что ничего подобного не было.

И ещё я боялась, что она подтвердит.

Я открыла блокнот и записала:

Возможное воспоминание: Элизе говорит, что я не знаю, что она хочет сказать. Я отвечаю «потом». Дата и обстоятельства неизвестны. Не считать подтверждённым.

Я перечитала запись.

Потом подчеркнула слово «возможное».

Ещё раз.

Ещё.

Бумага почти порвалась.

Я положила ручку.

Мне хотелось, чтобы Элизе сказала эту фразу снова. Чтобы я могла ответить иначе. Чтобы она не уходила. Чтобы я не сидела над своими бумагами, не думая о том, что происходит за дверью.

Но я не могла знать, действительно ли всё было так.

Возможно, я сама придумала эту сцену, потому что она подходила к кассете. Возможно, память просто достала из какого-то другого разговора слова, которые теперь казались важными.

Я могла быть несправедлива к себе.

Я могла быть несправедлива к ней.

Я могла делать и то и другое одновременно.

Я выключила свет и легла.

В темноте я снова услышала собственный голос из сна.

Ты никогда меня не слушаешь.

Я не знала, кому я это сказала.

И почему мне показалось, что это была Элизе.

Глава 5

Я думала о Вильде по дороге на работу.

Не потому, что беспокоилась о ней. По крайней мере, не только поэтому. Мне хотелось понять, почему она снова написала о неизвестном устройстве, хотя накануне сообщила, что сменила пароли и оно исчезло.

Я могла бы спросить её на следующей встрече.

Но мне хотелось знать сейчас.

Это было неприятно. Я не любила, когда чужая жизнь продолжалась за пределами моего кабинета. Не потому, что считала себя вправе контролировать её, а потому, что не могла контролировать собственную реакцию на то, что происходило без моего участия.

Я подумала, что Вильде, возможно, действительно следит за собой слишком внимательно. Что каждый незнакомый звук, каждая машина, каждый случайный звонок становятся для неё частью одной истории. И что история эта постепенно начинает управлять её жизнью.

Я знала, как это происходит.

Сначала человек замечает что-то необычное. Потом начинает искать повторения. Потом повторения находятся. Не потому, что их обязательно становится больше, а потому, что внимание уже настроено на поиск. Всё начинает иметь значение. Даже то, что раньше осталось бы незамеченным.

Я знала это.

Но я не могла сказать, что Синдре не представлял опасности. Вильде рассказывала о вполне конкретных вещах: он проверял её телефон, появлялся без предупреждения, ограничивал общение с друзьями, требовал объяснять, где она находится. Это не было фантазией. И расставание не превращало его автоматически в безопасного человека.

Мне не нравилось, когда люди говорили, что после расставания всё должно закончиться.

Отношения заканчиваются не всегда тогда, когда один человек принимает такое решение.

Я остановилась на переходе.

Потом подумала, что сейчас рассуждаю о Синдре так, будто знаю его.

Я не знала его.

Я знала только рассказ Вильде.

И этого было достаточно, чтобы относиться к её безопасности серьёзно. Но недостаточно, чтобы вынести окончательный приговор.

Я перешла улицу.

Мне хотелось, чтобы всё оказалось именно так, как рассказывала Вильде.

И хотелось, чтобы она ошибалась.

Первым пациентом был мужчина, который не мог перестать звонить бывшей жене.

Он говорил, что ему нужно увидеть дочь, но каждый раз разговор заканчивался ссорой. Бывшая жена просила его не приезжать без предупреждения, не звонить поздно вечером, не требовать немедленных ответов.

— Я же не чужой человек, — сказал он. — Я её муж. Ну, бывший муж. Но всё равно.

— А что говорит она?

— Что ей нужно пространство.

— Вы понимаете, что она имеет в виду?

Он пожал плечами.

— Она просто хочет, чтобы я отстал.

Я посмотрела на него.

— Возможно.

Он нахмурился.

— То есть вы тоже считаете, что я должен от неё отстать?

— Я считаю, что её просьбу нужно воспринимать серьёзно.

Он отвернулся.

Я заметила, что он сжал челюсть. Ему не нравился мой ответ. Он хотел, чтобы я признала его право на разговор, на объяснение, на ещё одну попытку. Он не замечал, что для другого человека каждая такая попытка могла быть вторжением.

Я спросила, что он чувствует, когда бывшая жена не отвечает.

— Как будто меня вычеркнули.

Я кивнула.

Мне было понятно это чувство.

И именно поэтому я не хотела ему сочувствовать.

Я не любила людей, которые воспринимали чужие границы как личное оскорбление. Они говорили о любви, о семье, о близости, но за всеми этими словами часто скрывалось простое требование: будь доступен, когда мне нужно.

Я могла бы сказать, что его поведение не помогает восстановить отношения.

Вместо этого я спросила:

— Если она не хочет разговаривать с вами сейчас, что вы можете сделать?

Он посмотрел на меня.

— Ничего.

— И как вы переносите это?

Он усмехнулся.

— Плохо.

Я записала ответ.

Когда он ушёл, я подумала о Вильде.

Синдре тоже мог считать, что имеет право на разговор. Мог объяснять своё присутствие заботой, любовь — беспокойством, контроль — необходимостью. Возможно, он действительно не понимал, что делает.

Но непонимание не отменяло последствий.

Я вдруг почувствовала злость.

Не на пациента.

На Синдре, которого никогда не видела.

Это было неразумно. Я не должна была превращать чужую историю в личное дело. Я знала об этом. Но мне хотелось, чтобы он оказался виноват. Чтобы Вильде не пришлось сомневаться в собственном восприятии. Чтобы я могла сказать ей: да, это действительно происходит, вы не ошибаетесь, вы не придумываете.

Мне хотелось быть той, кто наконец назовёт вещи своими именами.

Я закрыла папку пациента.

Иногда мне казалось, что я выбираю профессию именно потому, что в ней можно бесконечно уточнять, кто прав, кто ошибается и насколько сильно человек обманывает самого себя.

Я не замечала, что делаю то же самое.

Вильде пришла после обеда.

Она выглядела уставшей. Под глазами были тёмные круги, волосы собраны небрежно. Когда она села, то сразу сказала:

— Он был у моего дома вчера вечером.

Я не стала записывать.

— Вы видели его?

— Да.

— Вы уверены?

Она посмотрела на меня.

— На этот раз точно.

Я заметила, как она произнесла последние два слова. Не громко, но с нажимом. Она будто заранее защищалась от моего сомнения.

Мне стало неловко.

— Расскажите, что произошло.

Вильде объяснила, что возвращалась домой около восьми. У остановки напротив её дома стоял мужчина. Он был в тёмной куртке, смотрел в её сторону. Она узнала его по походке и лицу, хотя расстояние было довольно большим.

— Он смотрел прямо на меня, — сказала она.

— Вы подошли к нему?

— Нет.

— Он подошёл к вам?

— Нет.

— Что произошло дальше?

— Я достала телефон. Он ушёл.

— Вы позвонили кому-нибудь?

— Подруге.

— Вы сказали ей, что видели Синдре?

— Да.

Вильде замолчала.

— Я не знаю, зачем он это делает.

Я посмотрела на неё.

— Вы можете предположить, но мы не знаем, что именно он хотел.

— Он хотел, чтобы я увидела его.

— Возможно. Но это пока предположение.

Она кивнула, хотя было видно, что ей не нравится мой ответ.

Я спросила, сохранились ли какие-нибудь сообщения от Синдре, были ли новые звонки, пытался ли он связаться с ней напрямую. Она сказала, что нет. Последнее сообщение пришло несколько дней назад, с неизвестного номера.

— Вы обращались в полицию после того, как увидели его возле дома?

— Ещё нет.

— Хотите?

Она посмотрела на свои руки.

— Не знаю. Я уже обращалась раньше. Мне кажется, они подумают, что я преувеличиваю.

— Вы можете сообщить о том, что видели. Не обязательно делать выводы о его намерениях. Важно зафиксировать сам факт.

— А если они ничего не сделают?

— Тогда у вас всё равно останется запись обращения.

Я объяснила, что ей стоит продолжать сохранять сообщения, записывать даты и обстоятельства, не пытаться самостоятельно выяснять, следит ли Синдре за ней, и не вступать с ним в контакт, если она этого не хочет. Мы обсудили, кому она может позвонить, если снова почувствует непосредственную угрозу.

Вильде слушала внимательно.

— Вы думаете, он опасен? — спросила она.

Я не ответила сразу.

— Я думаю, что его прежнее поведение нарушало ваши границы. И что появление возле вашего дома стоит воспринимать серьёзно. Но я не могу по одному эпизоду сказать, что именно он намеревался сделать.

— Значит, я не должна бояться?

— Вы можете бояться. Но страх не обязан решать за вас, что делать дальше.

Она опустила голову.

Я заметила, что она сжимает край рукава.

Мне захотелось протянуть руку и коснуться её запястья. Это было бы совершенно неуместно. Я не сделала этого.

— Я устала, — сказала она.

— Понимаю.

— Я хочу просто прийти домой и не смотреть на машины.

Я кивнула.

— Это хорошая цель.

Она подняла глаза.

— Вы правда так думаете?

— Да.

Я сказала это искренне.

И всё же, когда она уходила, мне хотелось, чтобы она ещё немного посидела. Чтобы рассказала что-нибудь ещё. Чтобы встреча не закончилась так быстро.

Мне не понравилось это желание.

Вильде пришла ко мне потому, что ей было страшно. Я хотела, чтобы страх уменьшился. Но когда он уменьшался, я чувствовала, что теряю что-то.

Не пациента.

Не совсем.

Я теряла собственное место в её жизни.

Я закрыла дверь и долго смотрела на ручку.

Потом вернулась к столу.

В конце рабочего дня Вильде написала, что подала заявление в полицию.

Я рассказала им, что видела Синдре возле дома. Не знаю, что из этого получится. Но мне кажется, что я должна была это сделать.

Я прочитала сообщение.

Потом перечитала.

Мне захотелось ответить немедленно. Сказать, что она поступила правильно. Что это важный шаг. Что ей не нужно ждать, пока произойдёт что-то ещё.

Я написала:

Хорошо, что вы сообщили о случившемся. Обсудим на следующей встрече, как вы себя чувствуете после этого.

Отправила.

Почти сразу Вильде написала:

Спасибо. Мне стало немного легче.

Я положила телефон.

Мне стало легче тоже.

И это было странно.

Я не имела отношения к её заявлению. Я не сопровождала её в полицию, не разговаривала с сотрудниками, не присутствовала при встрече. Она сделала это сама.

Но я почувствовала удовлетворение, будто что-то удалось именно мне.

Я сидела и смотрела на телефон.

Потом убрала его в ящик.

Мне хотелось, чтобы Вильде справлялась.

Мне хотелось, чтобы она знала, что справляется благодаря мне.

Я могла бы назвать это желанием видеть результат своей работы.

Но это было не совсем правдой.

Когда я вышла из клиники, на улице уже темнело.

Я шла к остановке, когда зазвонил телефон.

Мать.

Я остановилась возле витрины и ответила.

— Привет.

— Привет, Ингрид. Ты занята?

— Нет. Что случилось?

— Ничего. Я просто хотела поговорить.

Мне не понравилось, как она это сказала.

— О чём?

— О субботе. Ты приедешь?

— Да.

— Хорошо.

Она помолчала.

Я слышала, как на заднем плане что-то передвигали. Возможно, отец был дома. Возможно, мать убирала на кухне.

— Ты говорила с отцом о кассете? — спросила я.

— Нет. Он знает, что я нашла её, но мы ещё не слушали вместе.

— Почему?

— Я не знаю. Я хотела сначала поговорить с тобой.

— Ты уже слушала её дважды.

— Да.

— Тогда что изменится, если мы послушаем вместе?

Мать вздохнула.

— Я подумала, что тебе будет легче, если ты будешь рядом.

Мне захотелось сказать, что мне не будет легче. Что я не нуждаюсь в том, чтобы мать держала меня за руку, пока я слушаю голос сестры. Что мне нужны ответы, а не утешение.

Но я не сказала.

— Мам, ты помнишь тот вечер? — спросила я.

Молчание.

— Какой?

— Ты спрашивала меня об этом на днях. Помнишь тот вечер?

— Я не знаю, Ингрид. Я просто хотела спросить, помнишь ли ты что-нибудь.

— Почему ты спросила?

— Потому что нашла кассету.

— Это я понимаю.

Я услышала собственный голос и поняла, что говорю резко.

Мать тоже это услышала.

— Я не хотела тебя расстраивать.

Я закрыла глаза.

Вот опять.

Я не хотела тебя расстраивать.

Эта фраза могла означать всё что угодно. Что мать боялась говорить. Что она не хотела причинять мне боль. Что она считала меня слишком слабой. Что она сама не знала, что сказать.

Я могла выбрать любое объяснение.

Мне хотелось выбрать самое неприятное.

— Ты думаешь, я виновата? — спросила я.

Мать ответила не сразу.

— Ингрид, не думай, что ты одна во всём виновата.

Я перестала смотреть на витрину.

Всё вокруг будто стало слишком чётким. Свет внутри магазина, отражение моего лица в стекле, женщина с пакетом на другой стороне улицы. Я слышала дыхание матери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.